

Г.П. Ежов

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИРАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Осень 1977 г. Я сижу у окна быстро идущего поезда и смотрю в окно. Свет из окон вагонов освещает узкую полосу земли вдоль железной дороги, где проходит граница – коридор из колючей проволоки, в котором изредка проносятся силуэты пограничников, в иногда и сидящих с ними собак. За коридором из колючки река – Аракс, за ней Иран – страна, в которой я был последний раз двадцать два года тому назад. Два купейных вагона в нашем поезде шли в Тегеран, куда я ехал в очередную заграникомандировку.. Утром поезд прибыл в Джульфу, пограничную станцию, где происходила проверка документов, багажа, и прочие формальности, затем наши вагоны стали поднимать домкратами и менять вагонные тележки с российской на европейскую колею. Вскоре нас переправили на иранский берег Аракса, вновь пограничные формальности и мы поехали уже иранским поездом в Тебриз – центр Иранского Азербайджана, по дороге, которую когда-то построили русские, затем после нашей революции она была передана безвозмездно иранцам, как и многая другая недвижимость, принадлежавшая до революции российским подданным. Иранцы перешли эту дорогу на европейскую колею, и она честно служила все эти годы, пока наши специалисты не электрифицировали ее перед исламской революцией. Я смотрел в окно на мелькавшие поселки, фруктовые хозяйства, обнесенные заборами из металлической сетки, на поля, где работали крестьяне. Прошедшие годы не прошли для Ирана даром. Золотой дождь нефтедолларов, посыпавшийся на страну в середине 70-х годов, давал себя знать. Если раньше на полях рядом с работавшими крестьянами обычно можно было увидеть ишака, то сейчас на полях виднелись японские мотоциклы, иногда с колясками, или пикапы, которые использовались для перевозки людей и небольших партий грузов.

Тегеран поражал своей насыщенной жизнью, на улицах было тесно от автомобилей различных марок, юркие мотоциклы, избегая пробок на дорогах, ездили по тротуарам, центр города переместился к северу, в новые благоустроенные районы с многоэтажной застройкой, город прорезали несколько широких «шахзев» – скоростных трасс, названных так по аналогии с американскими хайвеями.

Отделения иностранных банков, иногда два-три на одной улице, призвали людей хранить у них деньги, многоэтажные супермаркеты были завалены разнообразными товарами, ювелирные магазины, с витринами, полными золота и серебра, завораживали женщин, ковровые магазины предлагали изысканные ковры на любой вкус. В городе много иностранцев, стайками ходят туристы, рассматривая диковинные восточные редкости,

Несколько дней хожу по городу, замечаю большие изменения. Нет профессиональных нищих, которые раньше были в каждом квартале. Помню, нас, впервые приехавших в Иран, консул предупреждал, что давать милостыню этим нищим нельзя, иначе они вас будут сопровождать по всей дороге. На улицах нет ишаков, на которых раньше развозили по городу овощи и фрукты, хотя сохранились тележки с горячей вареной свеклой, которую иранцы едят с подливкой. На большом тегеранском базаре не видно грузчиков-амбалов в грязных оборванных халатах, теперь они одеты вполне современно, в европейских костюмах.

Мохаммед Реза Пехлеви, Шахиншах Ирана, уже много лет старается проводить в стране политику вестернизации. Около ста тысяч иранских студентов учатся за границей, в стране развиваются новые виды производств, работают пятнадцать автоборочных заводов, производящих автомобили на все вкусы, от представительного Линкольна до юрких Тойот и микроавтобусов, пользующихся большой популярностью у иранцев. Своих моделей под названием Пейкан, выпускается три, различного класса. Хорошо организована страховка машин. Пока машина не застрахована в полной стоимости, нельзя получить номер. Страхуют также и третье лицо – при наезде на человека компания оплачивает лечение, но если случай смертельный, заводится судебное дело, и родственники погибшего могут требовать смертной казни, хотя обычно адвокаты договариваются о материальном возмещении. Ремонт в случае аварий организован четко – получаешь от виновного лица карточку его страховой компании, отвозишь машину и спрашиваешь, когда за ней придти. Все остальное тебя не касается. Ремонтируют быстро и качественно.

Шах озвучил свой план – к 2000-му году вывести Иран по развитию на пятое место в мире. Большое внимание уделяется укреплению армии. У нас закупаются грузовики, ракеты земля-воздух, гранатометы РПГ-7, в Великобритании размещен заказ на тысячу тяжелых танков, у Соединенных Штатов заказано пять эсминцев такого класса, которых нет еще и у самих американцев, в ФРГ начали сооружать первую из трех заказанных атомных подводных лодок. Иран обладает самым большим флотом боевых вертолетов итальянского производства, их около тысячи и базируются они на всех основных аэродромах страны. Кроме регулярной армии, в Иране существует жандармерия, охраняющая границы, а у самого шаха – личная гвардия в количестве 12 тысяч отборных солдат, в том числе 3000 – «бессмертных», как у Наполеона.

В кинотеатрах идут американские фильмы, всю ночь работают клубы и рестораны, автомобили с самыми причудливыми сигналами, вроде ржания лошади или мычания коровы шумно гоняют по улицам ночного города. Их заглушают мощные мотоциклы. В общем, жизнь бьет ключом.

Однако в разговорах один на один с иранцами, особенно пожилыми, чувствовалась какая-то напряженность. Многие осуждали проводимую шахом политику, прославление западных идеалов и ценностей. Один мулла сказал мне: «Когда Запад ходил еще в шкурах и жил в хижинах, у нас был уже Рудаки (X век), так почему мы должны перенимать их обычаи и культуру?». Больше всего людей беспокоила та власть, которую получила тайная полиция «СА-ВАК». Постепенно обрастая громадной сетью информаторов, эта служба стала

уже выходить из-под контроля самого шаха. Просматривалось и прослушивалось все, один старый человек говорил мне, что треть населения страны являются секретными информаторами, и в каждой семье есть хотя бы один доносчик. Так это или нет, сказать трудно, но когда недалеко от нашего посольства моджахеды взорвали полицейское управление и выкинули содержимое сейфов через окно на улицу, в этих бумагах, которые полностью покрывали проезжую часть, один тегеранец показывал мне карточки осведомителей, которые находились в картотеках, и этих карточек на улице было много.

Политика шаха вызывала недовольство у представителей многих слоев населения. Местные производители были недовольны массовым ввозом в страну импортных потребительских товаров, купечество выражало недовольство созданием монополий, которые конкурировали с мелким и средним бизнесом, в города двинулась масса разорившихся крестьян из деревень, пополняя отряды люмпен-пролетариата, интеллигенция была недовольна внедрением массовой культуры с Запада, рассматривая это, как угрозу потери культурной самостоятельности.

Люди писали письма в газеты, задавали вопросы, остававшиеся большей частью без ответа, и предлагали свое видение решения назревших проблем. Однако, буржуазная оппозиция была слаба, не имела структурного оформления и связи с массами населения. И только шиитское духовенство, с его жесткой организационной пирамидой из мечетей и мулл, охватывавших всю страну, было способно консолидировать всю оппозицию и направить ее действия в одном направлении – на свержение ненавистного шахского строя.

Нужно сказать, что противостояние духовенства и власти в Иране началось еще в начале XX века, но наиболее заметно оно стало с начала 60-х годов, когда в Иране скончался духовный лидер Хусейн Боруджерди, и его место занял молодой, но уже известный своими богословскими трудами Рухолла Мусави Хомейни. В 1962 г Хомейни выступил против принятия закона о выборах, который впервые предоставлял женщинам право голоса, а представителям национальных меньшинств возможность баллотироваться в местные советы. Под давлением духовенства правительство отозвало закон, и Хомейни стал известен всей стране, как «политический противник режима» и «лидер базарных активистов». На следующий год за критику политики шаха его арестовывают, через некоторое время выпускают из тюрьмы, он снова обрушивается на шаха с обвинениями в нарушении Конституции и капитуляции перед США, его снова арестовывают и высылают из Ирана в Турцию. В Турции гибнет его старший сын – Мустафа, и иранцы обвиняют в этом САВАК, по всей стране проходят митинги и траурные шествия.

Хомейни переезжает в Ирак, где живет почти 13 лет, читая лекции, которые размножаются и под вымышленными названиями ввозятся в Иран. Шах обращается к правительству Ирака с просьбой выслать Хомейни из Наджафа, его пытаются отправить в Кувейт, но там его не принимают, и Хомейни вылетает в Париж, где его последователи снимают ему дом на окраине города. Попав в Париж, Хомейни становится объектом неустанного внимания журналистов и представителей практически всех крупных газет и журналов. Его портреты печатаются на обложках журналов, его высказывания тиражируются по

всему свету, пресс-конференции состоятся по несколько раз в день. И большая часть сказанного имамом передается по телефону в Иран и там мгновенно становится достоянием широких масс населения. Кажется, лучшего места для пропаганды идей создания мусульманского государства, борьбы с империализмом и шахом – проводником этого империализма, для имама нельзя было придумать при всем желании. Он получил свободу высказываться, а весь мир-возможность его слушать и читать.

Находясь в ссылке, Хомейни стал призывать народ выступить против монархии и лично шаха – «малого шайтана» (большим шайтаном называли США). И эти призывы упали на благодатную почву, за митингами и собраниями последовали шествия и демонстрации, потом забастовки.

Газеты скупо сообщали о событиях, зато устная молва мгновенно разносила сведения о столкновениях сперва с полицией, затем с армейскими частями. Появились убитые, которых в Тегеране хоронили на двух специально выделенных участках кладбища «Бехеште Зохра» в южной части города. Это кладбище, занимающее площадь в 320 га, является мемориальным, там впоследствии построили мавзолей Хомейни и похоронены многие видные духовные лица. Всего, как было объявлено после революции, в ходе ее развития погибло около 60 тысяч человек, в том числе два иностранных корреспондента, один из которых, француз, был похоронен вместе с жертвами боев под самым почитаемым шиитским именем «Али»

В городе стали расклеивать листовки антиправительственного характера, которые полицейские старательно счищали со стен. На стенах стали появляться лозунги, написанные краской из баллончиков, их счищать было гораздо труднее. Наибольшая активность недовольных наблюдалась в районе Тегеранского университета, там можно было купить различные брошюры и даже книги, которые никогда в Иране не издавались. Количество политических организаций зашкаливало за все мыслимые пределы, у меня есть перечень действовавших в то время более ста двадцати партий, движений, платформ, объединений и групп. Листовки печатались от имени десятков организаций: коммунистической партии Ирана, Партии коммунистов села, от маоистов, троцкистов, последователей Энвера Ходжи, третьего интернационала, четвертого интернационала, моджахедов, федаинов иранского народа, партии Аллаха (Хезб-е Аллах), и даже Группы борьбы за освобождение рабочего класса. Как иранцы разбирались во всем этом море политических направлений, было непонятно, но литература раскупалась, полиция разгоняла собравшихся и в целом, обстановка в стране накалялась.

4 января 1978 г. большая группа тегеранцев, в том числе студентов, направилась к шахскому дворцу Ниаваран, протестуя против приезда в Иран президента США Джимми Картера. Демонстранты намеревались также просить шаха разрешить аятолле Хомейни вернуться в Иран. Тайная полиция по своей инициативе расстреляла демонстрантов, а правительство приняло решение отчислить всех студентов, принимавших участие в демонстрации. Через несколько дней в официальной газете появилась анонимная статья (написанная министром информации Хомаюном), в которой намекалось на сотрудничество и получение денег аятоллой Хомейни «от заграницы – англичан», а духовенство

прямо обвинялось в сговоре с левыми партиями. На следующий день в Куме – центре подготовки мусульманского духовенства, состоялись демонстрации, которые также были расстреляны саваковцами. По официальным данным погибло десять, а по неофициальным данным – 60 человек, многие были ранены. Через сорок дней после расстрела демонстрации в Куме, во многих городах по инициативе духовенства были организованы шествия в память погибших (в мусульманских странах принято отмечать сороковой день смерти-«арбе/ин» по-арабски, или «сороковины»), поскольку числу 40 придается особый мистический смысл: сорок дней Христос был в пустыне, Моисей сорок лет водил народ, Ной сорок дней плавал во время потопа).

Демонстранты опять столкнулись с вооруженным отпором со стороны саваковцев, сотни людей были убиты. В Тебризе это противостояние переросло в двухдневное восстание под лозунгом «смерть шаху». И хотя его удалось подавить, резонанс его был огромен. На сороковой день были организованы шествия во многих городах страны, и на этот раз, 29 марта 1978 г расстрел демонстрантов произошел в Йезде. В мечетях стали призывать к вооруженной борьбе с правительством, идеологически эта борьба оформлялась, как противостояние исламского государства двум «сверхдержавам», Америке и СССР, а шах представлялся, как проводник американской политики в Иране, и его сравнивали с омейядским халифом Язидом I, виновным в гибели внука пророка – Хоссейна под Кербелой (событие, положившее начало проведению траурных шествий, известных у нас, как «шахсей-вахсей»). Большого оскорбления для мусульманина-шиита придумать было нельзя.

10 мая 1978 г во время проведения арбе/ин в Куме, саваковцы ворвались в дом великого аятоллы Казема Шариатмадари, одного из шести шиитских богословов, обладавших высшим титулом «пример для подражания», и в его присутствии застрелили одного из его последователей. Шариатмадари, который до этого придерживался практически нейтральной позиции, перешел в лагерь, поддерживавший Хомейни.

6 июня шахским указом со своей должности был снят руководитель САВАК генерал Насери, и его сменил генерал Насер Могоддам. Шариатмадари, со своей стороны, призывал верующих проводить собрания не на улице, а в мечетях. Это не какое-то время подействовало, и следующие сороковины в июне-июле прошли относительно спокойно, но уже 12 августа была расстреляна демонстрация в Исфахане, а через четыре дня премьер-министр Джамшид Амузгар объявил о введении военного положения.

19 августа вся страна была опять занята пересказыванием страшной новости – в Абадане сгорел кинотеатр «Рекс», при пожаре сгорело заживо около пятисот человек, в том числе много детей, поскольку сеанс был дневным. Когда начался пожар в зрительном зале, публика не могла выйти, так как двери были закрыты снаружи. В поджоге обвиняли агентов САВАК, правительство возлагало ответственность на оппозицию. Тем не менее, через неделю Амузгар был снят со своего поста, и на его место был назначен выходец из клерикальной семьи Джафар Шариф-Эмами, доверенное лицо шаха, неоднократно занимавший высокие посты в администрации, и много лет возглавлявший благотворительный Фонд Пехлеви, в который все иранские компании добровольно

отчисляли часть своей прибыли. Эти деньги конвертировались в валюту и уходили из страны, хотя пропаганда оказываемой Фондом помощи нуждавшимся присутствовала во всех газетах. Шариф-Эмами зачитал в Меджлисе программу действий своего правительства, и прения по ней длились больше недели. Интересно, что председатель Меджлиса записывал желавших выступить в два списка «за» и «против», затем подводилась черта и на трибуну поднимались ораторы попеременно из обоих списков. Депутатам давали час для выступлений, и таким образом, за рабочий день могли выступить только восемь человек. Ни один из выступавших не имел в руках каких-либо набросков, тезисов или иных подсказок. Все говорили красиво, приводя в речах массу пословиц и цитат из классической поэзии, и их было приятно слушать. 10 сентября программа была одобрена, и премьер начал работать. Он закрыл все казино, принадлежавшие Фонду Пехлеви, вернул иранцам старый солнечный календарь хиджры, по которому страна жила до 1976 года, когда шах внезапно ввел в стране новое летоисчисление, и иранцы, заснув в 1355г, проснулись в 2535 г по имперскому календарю, который брал свое начало от правления Куруша, а Мохаммед Реза Пехлеви считал себя его наследником. Шариф-Эмами провел также закон, разрешавший политическим партиям легальное существование. Однако, ситуация уже начала выходить из-под контроля. 4 сентября во всех городах страны праздновался «День разговения» после месячного поста, несколько сотен тысяч тегеранцев пользуются этим для выражения своего недовольства американцами, шахом, премьер-министром, звучать лозунги «смерть американцам», «смерть шаху». Беспорядки длятся два дня, на 8 сентября назначается общая демонстрация, но утром 8-го внезапно вводится военное положение, запрещающее собираться группами. Громадное число демонстрантов по узкой улице плотной колонной подходит к площади Жале, где их встречают огнем из автоматического оружия. Люди падают друг на друга, задние напирают на передних, возникает паника, в результате – по официальным данным 88 человек, в том числе три женщины убиты (оппозиция приводила число убитых в несколько сотен, причем утверждалось, что ночью солдаты перевозили трупы на вертолетах и сбрасывали их в соленое топкое озеро, расположенное к югу от Тегерана).. Один британский корреспондент, бывший на площади, успел сделать несколько снимков, как падают люди и видны следы летящих в них пуль. Он залез потом в сточную трубу, проходившую под перекрестком, и отсиживался там до ночи. Снимки были опубликованы после революции в нескольких журналах.

Расстрел на площади Жале, получивший название «черной пятницы», всколыхнул всю страну, массовые демонстрации проходили во всех городах, некоторые предприятия начали объявлять забастовки, и вскоре забастовочное движение охватило всю страну. 11 октября забастовали все печатные издания, и страна не видела газет и журналов в течение 63 дней (печатался только биржевой вестник «Бурс»). Журналисты требовали принятия нового закона о печати, и когда он, наконец, вышел, в Тегеране стали выходить 202 газеты и журнала всех политических направлений, от самых правых, до самых левых. Правда, некоторые издания кончали свою жизнь на втором или третьем номере, на большее не хватало средств. Размеры изданий также были самые разные, от нормального газетного листа, до формата А-4. Мальчики разносили эти газеты по улицам, и купить их было не так просто. 16 октября – арбе/ин в память жертв «черной пятницы», на этот раз гибнут люди в соборной мечети Кермана, Иран охвачен массовыми демонстрациями и забастовками,

бастовали заводы и фабрики, железнодорожники, шахтеры, школы и университеты, банки, правительственные учреждения, таможня, порты. Самым серьезным было прекращение 21 октября работы нефтяников. Города остались без газа, транспорт без бензина, а бытовое хозяйство без керосина. Очереди на бензоколонки стояли неделями, нам на машины с дипломатическими номерами выдавали по 20 литров бензина в месяц. Отсутствие газа привело к тому, что зимой 1978/79 года дома перестали отапливаться, даже в нашем посольстве газ для приготовления пищи включали три раза в день на короткие сроки. В комнате, где я спал, утром температура опускалась иногда до плюс 4 градусов. Перебои с электроэнергией привели к тому, что ежедневно стали отключать целые районы города. В продаже быстро появились кустарные керосиновые лампы и стекла к ним, и эта продукция пользовалась большим спросом. Хомейни из Парижа поддерживал забастовщиков. В одной из листовок, которые распространялись в это время, он давал указание духовенству обойти все дома и проверить все семьи бастующих нефтяников, и в случае необходимости оказать им материальную помощь из его средств (налогов, собираемых духовенством), чтобы бастующие были спокойны («с теплой спиной», как было написано в листовке). Бастовала связь, из всех телефонных линий работала только одна – на Париж, и мы были вынуждены разговаривать с Москвой через французскую столицу. Но парижская линия работала все время, хотя и была сильно загружена. По ней передавали указания имама, которые тут же размножались и на кассетах распространялись по всей стране. Около тегеранского университета можно было приобрести кассеты с речами выступавших на вчерашнем митинге. Широкая сеть музыкальных магазинов умело использовалась для антишахской пропаганды. Листовки стали клеить высоко, чтобы руками их было не достать, и полиции приходилось нелегко, чтобы содрать их со стен. В демонстрациях в Тегеране принимали участие до полутора миллионов человек. Летом, когда температуры была высокой, на узких улицах было трудно дышать, и иногда с крыш поливали воду из шлангов, чтобы освежить воздух. Очень часто на перекрестках по ходу демонстрантов останавливались легковые машины, багажники которых были полны апельсинов, иногда – сэндвичей и бутылок различной воды. Все это предлагалось демонстрантам, но пользовались этой услугой, как правило, только женщины, особенно, если они шли в детях. С каждым днем технология проведения таких массовых собраний совершенствовалась, сперва все возвращались обратно пешком, а это было часто после 5-6 часового перехода, затем женщин и детей обратно стали привозить на больших грузовых платформах, плакаты и лозунги – на легковых машинах. Обычно демонстрации двигались отрядами по двести-триста человек, впереди каждого отряда шел мулла, державший в руках микрофон, а рядом на длинном шесте мальчик нес репродуктор. Мулла периодически выкрикивал очередной лозунг, и вся колонна повторяла его несколько раз. Иногда, когда среди демонстрантов шли и женские отряды (как правило, с оцеплением из мужчин), лозунги скандировались частями: сперва мужчинами, потом женщинами. Большей частью лозунги были рифмованными, и похоже, что их разрабатывали в едином центре, так как все демонстранты выкрикивали одни и те же слова, но на каждой демонстрации они были различными. После нескольких крупных шествий кроме лозунгов демонстранты стали выкрикивать еще и призыв «смерть шаху» (марг бар шах), выкидывая в воздух сжатые кулаки. И нужно сказать, что когда слышишь такой призыв из тысяч

ртов, становится не по себе. У меня есть запись, на которой разучивается песня, припевом которой служат слова «марг бар шах». Люди повторяют за ведущим слова, без музыки, и когда дело доходит до припева, ведущий говорит «нет, это тихо, давайте еще раз». Снова звучат слова «смерть шаху», но ведущий снова недоволен, и говорит «вы должны крикнуть так, чтобы Он во дворце содрогнулся. Давайте еще раз». И все несколько раз так громко скандируют слова проклятия, что кажется, стены начинают дрожать.

Участие в демонстрациях принимали все партии и группы, противостоящие власти. Чтобы как-то нейтрализовать действия демонстрантов, часто над колоннами летали армейские вертолеты, заглушавшие звук, но это только подзадоривало демонстрантов, и они выкрикивают проклятия шаху с еще большей силой. Интересно отметить, что в Иране не бастовало только одно предприятие – металлургический завод в Исфахане, построенный с нашей помощью. Когда в период всеобщей забастовки завод перестал получать уголь и железную руду, реально встал вопрос об остановке домны, а это грозило многомиллионными убытками. Мы обратились в Комитет имама, из которого в наш офис приехал представитель – мулла средних лет в золотых очках с вопросом, в чем проблема. Мы разъяснили ему сложившуюся ситуацию, и сказали, что если в течение пяти дней не начнет поступать уголь с северных шахт страны, и руда из Бафка, то домну придется остановить. Он все внимательно выслушал, и сказал, что доложит имаму. И каково было наше изумление, когда через три дня мы прочитали в газетах, что угольщики северных шахт стали отправлять эшелоны с углем для металлургического завода. А через день начали поставлять и руду. Так Комитет имама, сумел сделать то, что не могла сделать шахское правительство. И наш завод продолжал работать, хотя рабочие приняли резолюцию о забастовке, но бастовали те, кто закончил свою смену, иными словами, забастовка шла посменно. Завод машиностроения в Араке, который также мы строили, бастовал 8 месяцев, причем наших специалистов не разрешали отправить домой и все время выплачивали им зарплату.

Неспособность власти справиться с ситуацией вызывала разногласия в правящей верхушке страны. Военные решают дать указание войскам не вмешиваться в деятельность восставших и разрешить им делать, что они захотят. Это приводит к тому, что толпа начинает громить магазины, особенно те, где продают спиртное, рестораны, некоторые учреждения, поджигают кинотеатры, где демонстрировались американские фильмы. Шариф-Эмами 4 ноября подает в отставку. В тот же день армейские части врываются в Тегеранский университет и убивают 65 студентов, когда они пытаются выступить против захватчиков. На следующий день демонстранты скандируют: «Брат-солдат, зачем (ты) убил студента?», «Лозунг народа – слава погибшим студентам», и еще: «Студенты убиты шахом-палачом, они хотели только жить без угнетения»

На следующий день шах выступает по телевидению, он обещает не повторять сделанных ранее ошибок, и говорит буквально следующее: «Я услышал голос вашей революции. Как шах Ирана и как иранский гражданин я не могу не одобрить вашу революцию». Лозунг: «Сказал по радио – поверьте, плохо делал, ошибки делал, простите»

Премьер-министром назначается генерал Голам Реза Азхари, который вновь вводит военное положение в стране. Демонстрации проходят под лозунгом: «Военный кабинет — конец шаху-предателю», «Если бы народ выбирал правительство, разве этот бешеный Азхари был бы там?».

Чтобы показать народу, что он принимает какие-то меры, шах дает указание арестовать тринадцать человек из своего окружения.

27 ноября вся страна охвачена ожиданием. Прошел слух, что ночью на Луне будет видно изображение лица имама Хомейни. Даже прокоммунистическая газета партии Туде не удержалась, чтобы не сообщить об этом своим читателям.

10 и 11 декабря в Тегеране более полутора миллионов человек принимают участие в траурных шествиях в память убитого под Кербелой внука пророка Хоссейна и семидесяти человек сопровождавших его лиц. Идут мальчики, ударяющие себя веревочками, идут взрослые мужчины, на каждый третий бьющие себя толстыми цепями, прикрепленными к деревянной рукоятки, Звучат траурные мелодии, исполняемые сотнями голосов. Во время дневного намаза, когда ведущий читает проповедь о событиях в Кербеле и убийстве Хусейна, мужчины рыдают, на стыдясь своих слез.

Демонстранты принимают резолюцию из 17 пунктов, где требуют от иранцев продолжать борьбу за свержение шахского режима до победного конца и объявляют имама Хомейни лидером иранского народа. Азхари тогда кому-то сказал, что это не демонстранты кричат, это запись магнитофонную передают. На следующий день демонстранты скандировали: «Бедный Азхари, повтори еще раз, что это пленка», а вскоре это было переделано следующим образом: «Бедный Азхари, собака четырехзвездная (Азхари был полным генералом и имел 4 звезды), опять скажешь, что это пленка, пленки ведь ног не имеют, бешеные твои глаза».

29 декабря премьер-министром становится Шахпур Бахтияр, который на вопрос корреспондентов об имаме Хомейни, заявляет, что он прикажет сбить самолет с имамом, если он отважится прилететь в Иран.

16 января утром из дворца Ниаваран выехало несколько одинаковых машин без номеров, которые поехали по разным дорогам. А около полудня я, находясь в районе университета, услышал отдаленный гул самолетов, и в то же время все едущие и даже стоявшие у тротуаров автомобили стали гудеть. Это было так непривычно, что я сунул голову в открытое окно какой-то машины и спросил водителя, в чем дело. Он только сделал мне знак рукой, чтобы я садился, а сам покрутил ручку радиоприемника, усилив звук. А из репродуктора доносился голос диктора, который говорил, что сегодня, в двенадцать часов и столько-то минут Мохаммад Реза Пехлеви, шахиншах Ирана и Солнце народа покидает пределы своей страны. В это время гул в воздухе достиг максимума. Как потом выяснилось, вместе с шахским Боингом в воздух поднялись два зена истребителей и сто вертолетов. Вертолеты быстро отстали, истребители проводили Боинг до иранской границы и вернулись домой, а шах полетел в Египет, где был тепло встречен Анваром Садатом. После Египта шах с семьей жил еще в нескольких странах, пока по настоянию Рокфеллера Джимми Картер не разрешил шаху въехать в США для лечения, но это вызвало бурю протеста в

Иране и закончилось тем, что «студенты- последователи линии имама» взяли штурмом американское посольство и продержали заложников 444 дня. Что же касается шаха, то он был вынужден опять через несколько стран вернуться в Египет, где и умер летом 1980 г от рака. Похоронен он с государственными почестями в одной из мечетей Каира, где покоится тело последнего короля Египта – Фарука.

1 февраля 1979 г в Иран возвратился имам Хомейни, которого от аэродрома до кладбища «Бехешти Зохра», где он произнес первую речь, на протяжении 32 километров приветствовало более пяти миллионов человек. Хомейни ехал в большом внедорожнике и приветствовал толпу рукой. На крыльях машины лежали два автоматчика, четверо сидели на крыше. Когда машина проходила мимо, народ кидался к ней, чтобы хотя бы коснуться ее рукой. Впереди ехал большой фургон, в котором сидело несколько операторов, снимавших процесс встречи. Посреди дороги толпа стала такой большой, что сумела заполнить улицу, и машины остановились. Был вызван военный вертолет, на котором Хомейни и еще несколько сопровождавших его лиц были перевезены на кладбище, где имам произнес свою первую речь после возвращения.

Фильм о приезде Хомейни транслировался по телевидению, но когда через несколько дней курсанты летного училища попросили показать им этот фильм еще раз, дежурный офицер отказался выполнить их просьбу. Возникла словесная перепалка, перешедшая в потасовку, вызванный наряд не смог утихомирить курсантов, которые взломали замок в оружейной и достали оружие. Кто-то побежал в штаб федаинов иранского народа – самого боевого отряда среди восставших, те пришли на помощь, командование училища вызвало танковую часть, но в старых узких улочках танки были недееспособны, к тому же, жители домов стали бросать в машины бутылки с «коктейлем Молотова», подожгла один танк, и те ретировались. Восстание же ширилось, в борьбу вовлекались и армейские части, и массы народа, восставшие захватили арсенал и, по слухам, разобрали около трехсот тысяч единиц различного оружия. Трудно сказать, так ли это, но наш иранский водитель через два дня похвастался в разговоре со мной, что он достал себе кольт и автомат Калашникова, а на мой резонный вопрос, зачем, добавил и ящик патронов.

Бои длились весь день с переменным успехом, уже в конце дня 11 февраля у меня вдруг замелькал экран телевизора, затем он на несколько минут погас, снова зажегся, и на экране возникла фигура молодого худощавого человека в черном свитере с высоким воротником, который сказал три слова «энгелб пируз шод», что означало «революция победила».

Так закончилась борьба иранского народа под руководством имама Хомейни за свержение последнего шаха Ирана, и началась борьба за свои права, демократию, независимое существование, право самим решать свою судьбу, но это уже другая история.